

Кто она такая? Почему Янь Кэ привела её ко мне? Уж не очередная ли это подставная фигура, призванная прикрывать меня своим телом от ударов клинков?

При этой мысли я невольно закатила глаза.

Заметив мой изучающий взгляд, женщина приветливо улыбнулась. Её глаза, подобные осенним водам, и брови, в которых читалась нежность, не казались наигранными — в ней чувствовалась природная, особая грация.

Пока я пыталась угадать, кто она, женщина сложила ладони у груди и произнесла буддийское приветствие:

— Амитофо.

Только теперь я заметила, что на ней серое монашеское одеяние, на ногах — грубые холщовые туфли, а на тонком запястье поблескивают четки из сандалового дерева. Никаких украшений, ни капли косметики — настоящий облик отшельницы.

— Ваше Высочество, ведите себя прилично! Скорее поприветствуйте мастера Кунси, — Янь Кэ укоризненно похлопала меня по плечу и добавила строгим тоном.

— Э-э, прошу прощения... Приветствую вас, мастер Кунси.

После её замечания я осознала, что пялиться на человека — верх невоспитанности, и поспешила подняться, чтобы поклониться. Странно, но Янь Кэ, которая обычно сдувала с меня пылинки, на этот раз позволила мне встать самой, не пытаясь помочь.

Зато молодая и красивая мастер Кунси мягко улыбнулась, придержала меня за руки и усадила обратно на кровать. Её низкий, бархатный голос звучал необычайно чарующе:

— Ничего страшного. Ваше Высочество нездоровы, вам следует как следует отдохнуть.

Погодите, она сказала, что эта женщина — мастер Кунси? Значит, это и есть настоятельница, о которой упоминал Сяо Чань?

Как такое возможно? На вид ей не больше тридцати!

К тому же, разве монахини не должны брить голову? А её волосы гуще и блестящее, чем мои!

Я не заметила, как от удивления выпалила свои мысли вслух. Янь Кэ посмотрела на меня с таким видом, будто хотела сказать: от тебя никакого проку, а мастер Кунси прикрыла рот рукой, тихонько рассмеявшись. Её глаза согнулись в полумесяцы — очевидно, мой невольный комплимент пришелся ей по душе.

Спохватившись и осознав, что попала в неловкое положение, я смущенно опустила голову и пару раз кашлянула, пытаясь скрыть неловкость.

— Ваше Высочество, не стоит шутить. Мне уже сорок три, я давно перешагнула порог неведения, — она снова произнесла буддийское приветствие и, посмеиваясь, добавила слова, от которых я остолбенела: — Что же до волос... я практикую, не сбривая их, поэтому и не проходила обряд пострига.

Если бы не присутствие Янь Кэ, я бы, наверное, воскликнула от изумления. Кто бы мог подумать, что эта монахиня уже на пятом десятке?

Интересно, что это за чудодейственная техника культивации или рецепт красоты? При первой же возможности обязательно выведаю у неё секрет.

— Мастер обладает удивительным искусством сохранять молодость, вы выглядите просто сияющей. Я искренне восхищена, — я попыталась найти хоть какой-то изъян на её коже, но потерпела неудачу и от всего сердца похвалила её.

К моему удивлению, улыбка на лице монахини мгновенно исчезла. Она протянула руку и легонько щелкнула меня по лбу, полушутя-полусерьёзно отчитывая:

— Где вы набрались таких фривольных речей, Ваше Высочество? Вас следует наказать.

— А? — я потерла ушибленный лоб и взглянула на Янь Кэ. Та лишь беспомощно покачала головой, загадочно улыбаясь, и я окончательно запуталась.

Эта монахиня играет не по правилам, и понять её крайне сложно.

Я ведь сделала ей комплимент, почему же сразу стала распутницей?

Хоть мастер и выглядит молодо, по возрасту она мне в старшие годится. При Янь Кэ я не осмелилась спорить и покорно извинилась:

— Прошу прощения, мастер, я была бестактна.

Но она не собиралась меня оставлять в покое. Насмешливо улыбнувшись, она ткнула своими изящными пальцами мне в лоб так, что я отшатнулась:

— Все говорят, что Его Высочество Лин-ван — деспот, не знающий страха и удержу, настоящий демон во плоти. Почему же передо мной вы такая мягкотелая? Не притворяетесь ли вы, преследуя какие-то скрытые цели?

Только что она называла меня фривольной, а теперь сама говорит вовсе не как милосердная монахиня.

Признать вину — не то, не признать — тоже не то. Поистине, сложно угодить.

Я поняла, что мастер Кунси намеренно меня задирает, и какой бы ответ я ни дала, она всё равно найдет к чему придраться. А Янь Кэ, моя единственная опора, вопреки обыкновению, хранила молчание и лишь наблюдала со стороны, лишив меня всякой надежды на помощь... Что ж, лучше промолчать и покорно сносить нотации.

Увидев, что я опустила голову и замолчала, она тихо хмыкнула, словно её позабавила моя капитуляция. Она снова прошептала буддийское приветствие, и в её голосе промелькнула нотка ностальгии:

— Столько лет прошло, а вы всё такая же милая.

Неужели она знала Куан Сихань еще в детстве?

Неудивительно, что Янь Кэ позволяет ей так себя вести — видимо, это происходит не впервые. Становится ясно, что титул Государственного наставника у этой монахини — не просто пустой звук.

Только не выдам ли я себя своим поведением, не вызову ли подозрений?

— Помню, в детстве вы всегда ходили по пятам за Его Величеством императором, всё сестрица да сестрица. Интересно, остались ли вы такой же привязчивой, повзрослев? — подшучивая надо мной, она протянула руку и коснулась моего запястья, чтобы прощупать пульс. Улыбка на её лице внезапно померкла.

— Столько лет пролетело, а характер Его Высочества ничуть не изменился, в этом он очень похож на покойного императора, — с легкой гордостью произнесла Янь Кэ, внимательно наблюдая за лицом Кунси. Заметив её озабоченность, она встревоженно спросила: — Что такое? Неужели со здоровьем Вашего Высочества что-то не так?

— Хм, пульс весьма странный... — красивая монахиня нахмурилась, взглянула на меня, внезапно придвинулась ближе, приподняла мои веки, заглянула в глаза, велела высунуть язык и, внимательно осмотрев всё, пробормотала: — Помимо врожденной слабости, здесь кроется что-то еще.

— Что вы имеете в виду? — поспешно спросила Янь Кэ.

— Трудно сказать. Мне нужно вернуться и свериться с медицинским трактатом, прежде чем делать выводы, — спустя долгое молчание мастер Кунси покачала головой.

— Медлить нельзя, вся надежда на вас, мастер, — Янь Кэ была человеком нетерпеливым: она дала мне пару указаний и поспешно увела монахиню прочь.

— Амитофо. Если у Вашего Высочества будет свободная минутка, прогуляйтесь к персиковым деревьям в храме... — улыбнувшись, мастер Кунси обернулась перед самым уходом.

Пообедав, я, не зная, чем заняться, вспомнила совет мастера Кунси. Отослав слуг, я в одиночестве бродила по храму, наслаждаясь его уникальными видами. Я знала, что стража не ушла далеко и потихоньку следует за мной, но решила не обращать на это внимания.

Храм Линцзюэ еще называют Храмом Персикового Цветения, потому что вокруг посажено множество персиковых деревьев. Когда приходит время цветения, легкий ветерок разносит лепестки, словно красный шелк — зрелище неопишуемой красоты. Паломники стекаются сюда со всех сторон, чтобы хоть раз взглянуть на этот пейзаж.

Ходит легенда: если влюбленные дадут клятву верности под этими деревьями, они состарятся вместе в любви и согласии. Поэтому название Храм Персикового Цветения стало даже известнее, чем настоящее имя храма.

Возможно, из-за того, что храм заняли для проведения обряда жертвоприношения, посторонним вход был запрещен. Охрана оцепила территорию, чтобы обеспечить безопасность. За всё время пути я не встретила ни паломников, ни даже монахинь, ответственных за уборку.

Лепестки персика кружились в воздухе, словно дождь, навевая легкую грусть.

Я шла всё дальше по извилистым тропинкам, и одиночество, казалось, проникало до самых костей, становясь невыносимым. Я уже хотела повернуть назад, как вдруг заметила фигуру, танцующую с мечом под персиковым деревом. Ноги сами понесли меня туда.

— Слово персик в цвету, нежен и ярок, невеста в дом входит, в согласии и мире.

Едва я закончила первую строчку, как человек остановился и обернулся. Светлый, как луна, изящный и несравненный — кто это мог быть, если не Цзян Чжо?

— Ваше Высочество, — она больше не использовала те обращения, что мы применяли в дороге, снова возвращая нас к прежним ролям, отчего мне стало немного грустно.

Поколебавшись, я всё же не удержалась и подошла к ней, коснувшись рукой ствола дерева, которое едва можно было обхватить руками, и обдумывая, с чего начать разговор.

Однако она опередила меня:

— Что вы процитировали только что, Ваше Высочество?

— А, это... строки из одной книги, — я мысленно выругалась, не зная, как объяснить ей происхождение Ши-цзин, и решила просто выкрутиться.

— Очень красиво... Есть ли продолжение? — неожиданно заинтересовалась Цзян Чжо.

Она редко проявляла интерес к чему-либо, тем более так настойчиво. Упустить такой шанс я не могла.

— Это стихотворение называется Тао Яо... Словно персик в цвету, листья густы, невеста в дом входит, в согласии с семьей, — вспоминая строки из памяти, я процитировала всё стихотворение. Она слушала с таким серьезным видом, словно погрузилась в саму поэзию.

Я украдкой разглядывала её профиль, чувствуя, как лицо заливается краской, а сердце бьется, словно пойманная птица. Что со мной? Похоже на чувства девчонки, встретившей своего кумира.

Я посмеялась над своими фантазиями, подавляя эти мысли. Взглянув на неё, я увидела, что Цзян Чжо смотрит на меня с полуулыбкой — не знаю, видела ли она моё глупое выражение лица. Теперь я покраснела еще сильнее, на этот раз от стыда.

— Прошу прощения за дерзость, но осмелюсь предположить, что в этом стихотворении воспевается свадебное торжество, — увидев, что я кивнула в знак согласия, она не выказала удивления, лишь в её глазах мелькнула озорная искра, настолько быстрая, что её едва можно было заметить. — Неужели Ваше Высочество, глядя на это море персиковых цветов, задумались о женитьбе?

— А? Женитьбе? Нет, нет, что ты... — я так испугалась, что начала заикаться и принялась отнекиваться.

Видя мою панику, она лишь кивнула, не сказав ни слова, а уголки её губ едва заметно дрогнули — то ли она была уверена в своей догадке, то ли просто решила подшутить надо мной.

Но даже если она что-то не так поняла, что с того?

Я не могу влиять на её мысли, да и к ней самой это не имеет никакого отношения. Если говорить прямо, кто она такая, простая стражница, чтобы лезть в дела моего брака?

Одно то, что она посмела подшутить надо мной, уже само по себе является неуважением.

И всё же единственное, чего я хотела — поскорее объясниться, боясь, что она подумает обо мне что-то не то.

В голове мелькнула какая-то мысль, но, стоило мне призадуматься, как она показалась мне нелепой и тут же рассеялась, словно дым. Я тряхнула головой, решив больше об этом не думать.

— Охранник Цзян, не составите ли вы мне компанию в прогулке? Персики в храме цветут так прекрасно, было бы грех гулять в одиночестве, — я пригласила её, не смея поднять глаз, боясь услышать отказ.

На удивление, она не отказалась и не сослалась на свой статус. Кивнув, она даже едва заметно улыбнулась:

— Хорошо.

— Пойдемте, — она сделала шаг вперед и обернулась, словно спрашивая, почему я медлю.

Я поспешила за ней, стараясь ступать след в след.

— Что вы делаете? — спросила она, недоумевая. Лед в её глазах растаял, уступив место мягкости.

— Хм, я иду по вашим следам, чтобы не топтать лепестки, — встретив её ясный и мягкий взгляд, я смущенно потерла щеку и опустила голову.

— Лепестки, упавшие на землю, всё равно превратятся в грязь, рано или поздно. Какая разница? — её голос звучал глухо, с оттенком печали, отчего у меня сжалось сердце.

— Может и так, но мне всё равно жаль... Пока они лежат здесь, кто-то успеет полюбоваться их красотой. Даже если они обречены исчезнуть, они хотя бы ярко сияли, — я подумала, что это звучит слишком пессимистично, и добавила: — Как говорится в стихах: упавший цветок — не бесчувственный прах, он станет весенней землей, чтобы новые цветы защитить.

— Упавший цветок — не бесчувственный прах, он станет весенней землей... Благодарю за наставление, — она повторила эти строки и широко улыбнулась мне.

Эта улыбка была едва заметной, но шла от самого сердца. На душе у меня стало сладко, словно я попробовала ложку меда, и все тревоги улетучились.

Проведя два дня в Храме Линцзюэ, наш отряд немного отдохнул и набрался сил перед предстоящей церемонией жертвоприношения.

Я расспросила стражников, пришедших с Янь Кэ: в самом начале их было более трехсот, но по пути многие погибли. После того как мы пересчитали людей в Синине, оказалось, что потери понесли не только охранники, но и обычные слуги, а двое несчастных супругов, выбранных для сопровождения, погибли в дороге.

В каком-то смысле, это я их погубила.

Если бы я не поддержала предложение Янь Кэ взять их с собой в Синин, возможно, они до сих пор жили бы спокойной жизнью в глубине поместья.

Вместе с той девушкой-двойником я косвенно стала причиной гибели трех человек... И это лишь те, о ком я знаю. Кто знает, сколько еще кровавых долгов за мной тянется?

Не знаю, смогу ли я когда-нибудь их искупить?

Как бы я ни терзалась чувством вины, это не могло отменить мою главную задачу в Синине.

На третий день, за полчаса до полудня, Сяо Чань помог мне облачиться в роскошные одежды, подходящие Циньвану. Под взглядами всех присутствующих я, стараясь выглядеть величественно, медленно поднялась на нефритовый алтарь.

Место вокруг алтаря было оцеплено стражей в несколько рядов — муха не пролетит. За стражей стояли монахини во главе с мастером Кунси, в черных рясах, с четками в руках, с торжественным и суровым выражением лиц.

Алтарная площадка высотой в три чжана и десять чжанов в длину и ширину была заставлена жертвенными дарами, а в центре стоял белый нефритовый кубок размером с ладонь. У меня екнуло сердце: неужели в ритуале нужно пить вино?

Не знаю, как пила Куан Сихань, но я пьянею от одной рюмки. Если я напьюсь и опозорюсь, это будет катастрофа.

Пока я терзалась этими мыслями, слуги, стоявшие в самом дальнем ряду, по команде ударили в медные гонги. После оглушительного звука монахини начали читать сутры, слов которых я не понимала.

Монотонное бормотание в сочетании с густым ароматом благовоний должно было успокаивать, но у меня дергался глаз. Было ощущение, что вот-вот должно случиться что-то плохое — наверное, из-за палящего полуденного солнца.

Я с трудом сохраняла неподвижность, изображая статую. Наконец, чтение стихло, мастер Кунси произнесла буддийское приветствие и объявила:

— Полдень настал, церемония начинается.

Монахиня рядом с ней кивнула, прошла сквозь строй стражи и направилась ко мне. Я заметила, что в её рукаве что-то спрятано: при свете солнца блеснул холодный металл.

Подойдя ко мне, она низко поклонилась, а затем вдруг подняла руки. Широкие рукава соскользнули, и я увидела, что она держит кинжал, украшенный разноцветными камнями.

Убийца!

Я испугалась до смерти, едва не закричала, отпрянула назад и инстинктивно выставила руки, пытаясь её оттолкнуть.

К моему удивлению, она испугалась еще больше. От моего резкого толчка она попятилась и чуть не упала с алтаря.

Раздался звон — кинжал выпал из её рук, лезвие выскочило из ножен, и холодный блеск стали больно резанул по глазам. Сердце ушло в пятки.

Эта убийца была невероятно дерзка — решиться на покушение среди бела дня!

И как только стража пропустила её, не проверив?

Если бы я не среагировала вовремя, то уже лежала бы мертвой...

Пока я приходила в себя, чьи-то руки уверенно поддерживали меня за плечи, не давая упасть. Холодный, как вода, голос прозвучал рядом:

— Ваше Высочество, не бойтесь.

Я скосила глаза: Цзян Чжо, невозмутимая, разжала мои пальцы, которыми я в панике вцепилась в её рукав, и тихо сказала:

— Ритуал требует подношения крови, прошу вас, сотрудничайте.

Что? Подношение крови?

Значит, эта монахиня — не убийца, а просто должна была взять немного моей крови?

Выходит, я ошиблась.

Лицо само собой вспыхнуло. Я глубоко вздохнула, выпрямилась и, стараясь сохранить невозмутимый вид, сказала:

— Я... я просто перестраховалась. Продолжай.

Осознав, в какую нелепую ситуацию попала, я уже не думала о покрасневших щеках — хотелось лишь поскорее закончить этот ритуал, уйти с этого палящего солнца и выпить чашку холодного чая.

Цзян Чжо отступила на шаг, но не ушла, оставаясь неподалеку — видимо, опасалась, что я снова что-нибудь натворю. Зная, что она рядом, я успокоилась, и тревога отступила.

Янь Кэ, наблюдавшая за всем из толпы стражников, хотела что-то сказать, но в итоге предпочла промолчать. Я благодарно улыбнулась ей.

Молодая монахиня, дрожа, поднялась, подобрала кинжал и с опаской посмотрела на меня. Я стиснула зубы, протянула ей левую руку и, кривя душой, попыталась её успокоить:

— Ничего страшного, делай что должна... На этот раз я не буду тебя отталкивать.

Она нервничала куда сильнее меня. Лишь когда я поторопила её, она решилась: сжала рукоять обратным хватом и полоснула меня по запястью.

— А-а... — от резкой боли я невольно вскрикнула. Монахиня, вопреки моим ожиданиям, не застыла от страха, а ловко подставила тот самый нефритовый кубок, собирая струящуюся кровь. Вскоре кубок наполнился, а у меня перед глазами поплыло.

Я-то думала, она порежет ладонь или тыльную сторону руки, а она полоснула прямо по вене на запястье! Если бы не её испуганный вид, я бы решила, что она мстит мне за какую-то старую обиду.

Вены на запястье — опасное место. Если порезать слишком глубоко, можно не только лишиться подвижности кисти, но и жизни. Не знаю, дали ли ей такие указания заранее или она сама так перестаралась... В любом случае, это чертовски больно.

На глазах выступили слезы, и не только от рефлекторной боли.

<http://bllate.org/book/21773/2251649>